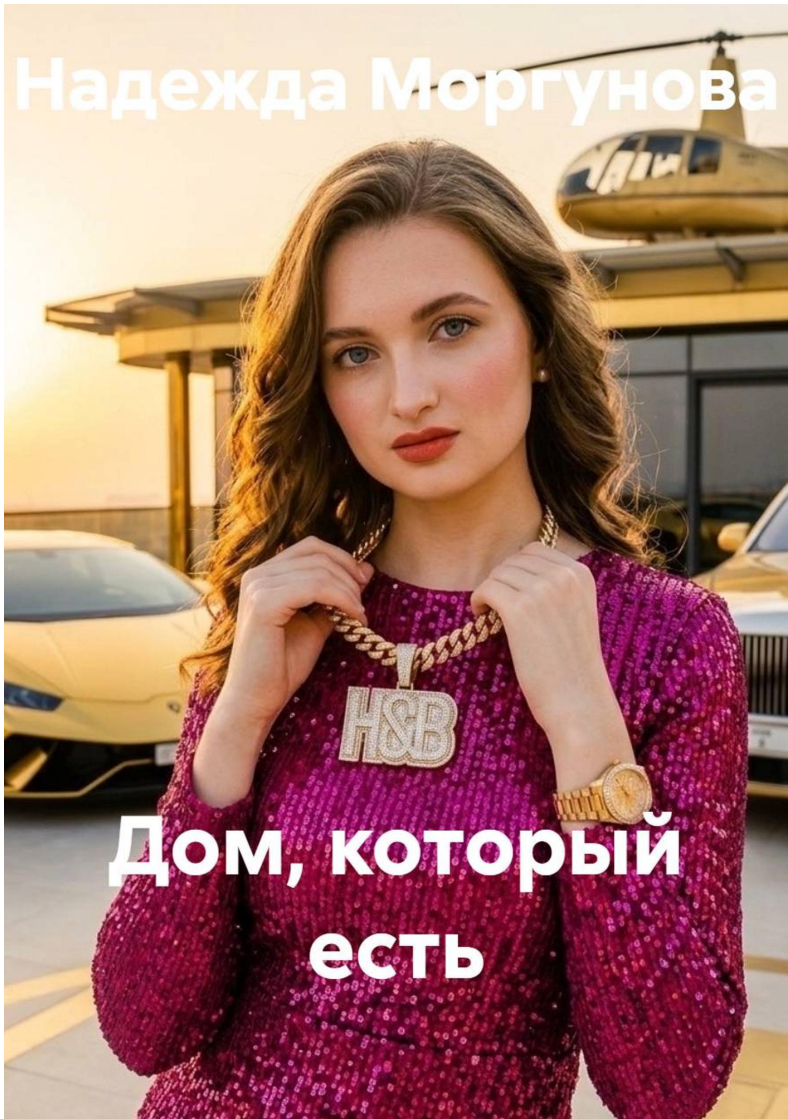

Надежда Моргунова

Дом, который
есть

Надежда Моргунова

Дом, который есть

<https://litres.ru/74005649>

SelfPub; 2026

Аннотация

Друзья.

Первая часть — «Дом, которого нет» — была криком. Вторая часть — «Аристократический Дом» — станет манифестом. Но это ещё не всё.

Я решила: будет третья книга. Она называется «Дом, который есть».

Это третья часть истории, начатой в «Доме, которого нет».

«Дом, который есть» — это не крик. Это не манифест. Это взгляд. Спокойный, зрелый, осмысленный. Это наблюдения, выводы, размышления. Это то, что я вижу сейчас, стоя на фундаменте, который построила сама. Из пепла. Из боли. Из правды.

Эта книга будет писаться по мере того, как будет писаться. Без гонки. Без дедлайнов. Без «надо». Она будет расти вместе со мной. Вместе с вами. Вместе с Домом, который теперь есть.

Добро пожаловать в третью часть. Добро пожаловать в Дом, который есть.

Надежда Моргунова

Дом, который есть

Часть 1.

Три пожара.

У нас в семье есть три человека с одинаковой творческой структурой. Три души, настроенных на красоту, на слово, на музыку. Но у каждого — свой пожар. Своя беда. Своя судьба.

Тётка пережила пожар, когда ей было шесть лет. Настоящий, физический, детский. Она тогда ещё ничего не понимала. Просто однажды всё загорелось, а потом жизнь пошла дальше. Она выросла, стала чудной, доброй, тихой. Она не режет — она уходит. Она не мстит — она просто не открывает дверь. Её пожар остался в детстве, но он научил её главному: не жди помощи. Никто не придёт.

У меня пожар случился в зрелом возрасте. И я выбежала в коридор, кричала, звонила во все двери. И мне совершенно

никто не помог. Никто не открыл. Я сгорела дотла и поехала в приют. Потому что идти было некуда.

У отца никогда в жизни не было пожара. Никогда. Но его всю жизнь мотала мать. Она его ломала, унижала, обесценивала. И он стал злым. Он закрылся в своей квартире, как в скорлупе. И когда у его дочери сгорела квартира, она знала: к отцу ехать нельзя. Он не откроет. Он никому не открывает. Ей бы он тоже не открыл.

Вот так. Три одинаковых человека. Три судьбы. У одного был пожар в детстве. У другого — в зрелости. А третьего всю жизнь жгла женщина, которая должна была его любить. И никому из них не открыли дверь. Никому не помогли. Но каждый выжил. По-своему.

Тётка — ушла. Отец — замолчал навсегда.

И теперь, когда я смотрю на свою жизнь, я понимаю: пожар — это не всегда огонь.

Иногда это человек рядом. Иногда это целый мир, который не открывает дверь. Но я — не сгораю. Я закаляюсь. И теперь я строю Дом. Тот самый, который есть.

Для памяти отца, который так и не открыл дверь. Но я его простила. Потому что он сам был сожжён. Изнутри. Без огня.

...но я пошла ещё дальше.

Я закрыла дверь с другой стороны. С моей. Ту самую дверь, которую никто не открыл. Теперь она не откроется и обратно, потому что я больше не хочу стоять под чужой дверью и ждать. Я построила свою. И теперь я решаю, кому входить.

У них теперь — закрыто. А у меня — открыто. Но открыто для тех, кто приходит сам, а не ждёт, пока я постучу. Кто не побоялся. Кто не спрашивал "ты кто?", а просто был рядом.

Они не открыли тогда. Я не открою - сейчас.

Вы привыкли что дверь запирается с одной стороны?

Этот засов оказывается был не на Вашей стороне, вот так открытие.

Часть 2.

Сундук.

В детстве у моей бабки был старинный сундук. Настоящий, деревянный, с коваными уголками и запахом времени. Он был прекрасен. Помню, что его отдали соседям — через дом.

Разумеется, соседям. Кому же ещё? В нашей семье всё самое ценное всегда уходило чужим. Дом — соседям. Земля — посторонним. Сервиз дедули — на помойку. Сундук — на реставрацию, лишь бы вынесли из дому.

Когда я сказала, что тоже хотела бы его отреставрировать,

мне ответили: «Этим занимаются только богатые люди». В глазах деревенских реставрация — это для богатых. А я — не имею права. Моё дело — смотреть, как ценное уходит из семьи, и молчать.

Прошли годы. Я сгорела, выжила, написала книгу, купила дом. И однажды поняла: я занимаюсь реставрацией. Только не мебели. Я реставрирую судьбу. Свою. Своего рода. Своей семьи.

Сегодня я восстанавливаю не только старые вещи, которые нахожу, которые мне дарят, которые приходят в мои руки, зная, что их не выкину и даже не обижу — дам новую жизнь, вторую, десятую или сотую — лишь бы жили! Я смотрю на крутые архитектурные строения — усадьбы, купеческие дома — и вижу в них себя. Заброшенные, забытые, отданные чужим. Но не погибшие. Ждущие того, кто придёт и вернёт им жизнь.

Я стала реставратором. Не потому что разбогатела. А потому что никогда не верила, что «этим занимаются только богатые». Этим занимаются те, кто видит ценность. Те, кто не боится руин. Те, кто знает: даже из пепла можно восста-

НОВИТЬ.

Я хочу, чтобы люди увидели: всё в своей жизни можно починить.

Бабкин сундук отдали соседям. Ну и ладно.

Но я — не сундук. Я сама себя отреставрировала. И теперь восстанавливаю всё, до чего дотягиваются мои руки. Свою жизнь. Свой Дом. Свою память.

Меня любят старинные вещи, они сами выбирают меня и идут ко мне. Для меня это не ветошь — а исторические артефакты. А я, если хотите, почти музей. Но я не просто хранитель, я тот, кто продолжает жизнь.

Часть 3.

Динозавр.

Сегодня в моих руках необычный столик. Я точно знаю:

это восемнадцатый век. Краска чуть сошла на углах — это поправимо. Ножки обтесались сверху — для этого в двадцать первом веке есть решения. В тёплых руках оживает старинная вещь, и вот на ней уже пьёт кофе современный человек. Дизайн, которому триста лет, вызывает восхищение.

Таких вещей я создаю сотни за сезон. Возвращаю к жизни то, что другие выбросили бы на помойку. Даю вторую, десятую, сотую жизнь. А люди всё ещё ждут от меня весёлых песен о разгульной жизни. Не припомню в своём репертуаре таких. Как и пятнадцать лет назад.

Я переехала раз сто. Меняла города, квартиры, обстоятельства, имена. У них — ничего не меняется. Всё та же скучная жизнь в очередях на пунктах выдачи однообразного товара. Пластик, ширпотреб, «как у всех».

А я люблю эксклюзив. Дерево, а не пластик. Историю, а не тренд. Я собираю то, что неподвластно времени. И сама становлюсь такой же. Ощущаю себя динозавром. Но динозавром, который выжил. Который не просто хранит прошлое, а продолжает его. В тёплых руках. С любовью.

Часть 4.

Маркер.

Я не люблю посторонних. Мало с кем общаюсь. Мой круг — только самый тёплый, самый свой. Им в моём доме всегда открыто. Они знают: здесь можно дышать, молчать или говорить — и быть услышанными.

Эти люди никогда не замолкали в общении со мной. Скажу даже больше: «Говори, если жив» — это для меня своего рода маркер. Замолчал — значит, умер. Не физически. Хуже. Умер для меня. Исчез из моего мира. Перестал быть.

Но перестать петь на время — не значит замолчать. Творческие паузы — они у всех разные. Кто-то уходит в тишину, чтобы переродиться. А я — творю ежедневно. Моя пауза — это не молчание. Это смена инструмента. Вчера я пела. Сегодня я крашу, лакирую, реставрирую. Завтра — пишу книгу.

Я люблю вещи. Это мой способ общаться с миром. Через

дерево, через краску, через старинные ножки столика, который помнит восемнадцатый век. Я беру в руки то, что другие выбросили, и говорю ему: «Ты не умерло. Ты просто ждало меня».

Реставратор — это великолепная профессия для таких, как я. Для тех, кто не выходит из дому. Для тех, кто строит свой мир внутри. И этому миру не нужны посторонние. Только тёплые. Только живые. Только те, кто говорит. Потому что молчание — это смерть.

Часть 5.

Корни.

В нашем мире верность вызывает скорее улыбку. Упрек в наивности. Снисходительное «ты всё ещё веришь?». Да, верю. И предпочитаю быть верной. Людям. Идеям. Себе.

Моя стабильность — это монолит. Пятнадцать лет. Пока все ржут в сторонке над моим упорством, я просто делаю своё дело. Не громко, не напоказ. Каждый день. Вы бы ни-

когда не подняли этот проект. Потому что вам не по размеру эти штанишки. Тут нужна хозяйская рука. Та, что знает, где что в доме лежит. Та, что не бросает начатое на полпути. Та, что пускает корни в глубину, а не скачет по поверхности.

Пока вы прыгаете с проекта на проект, я вырастаю в землю. И мне плевать, верите ли вы в этот проект или нет. В тот столик тоже никто не поверил. Мне сказали: «Ему цена — пятьдесят рублей». Я так не считаю. Я видела не дерево — облесшей краской. Я видела историю. Узор. Дух восемнадцатого века, который ждал, когда его увидят.

И столик ушёл с торгов за полтора миллиона. Потому что золотые вещи — золотым людям. А я — умею видеть золото. Даже в том, что другие считают мусором. И я не прыгаю. Я расту. Вглубь. Вверх. Вширь. Время работает на меня. И моя верность — это не наивность. Это знание. Хозяйское. Тихое. Непоколебимое.

Часть 6.

Камин.

Сегодня выезжаем в особняк. Реставрировать камин. Я боюсь прикасаться. Не потому что не умею. Потому что чувствую: ему не меньше шестисот лет. Это не просто вещь. Это свидетель. Он помнит то, чего не помним мы.

Хозяйка дома говорит: «В яблочко». Я беру немного краски на пробу. Ошибки быть не может. Позже химик в лаборатории подтвердит наши подсчёты. Моя интуиция снова не подвела.

Птица сверху облезла так сильно, что в силуэте трудно разглядеть птицу. Но я вижу. Всегда видела то, что скрыто под слоями времени и грязи. Рисую точнейший макет. Без изменений. Просто восстановим структуру. Вернём ей крылья.

Никаких грантов. Сегодня — благотворительный проект. Потому что некоторые вещи не измеряются деньгами. Некоторые вещи просто должны жить. И я — та, кто возвращает им жизнь. Без шума. Без пафоса. Просто потому что могу. Просто потому что вижу. Просто потому что это — моё.

Часть 7.

Никто не знает.

Никто не знает о моей работе. О моих увлечениях. О том, чем на самом деле наполнены мои дни. Чем только в их светлых головах я не занимаюсь. Домохозяйка? Фрилансер? Безработная? Неудачница?

У бабулек возле подъезда - я даже боюсь фантазировать, кто я в их картине мира. Просто странная женщина, которая вечно куда-то бежит и ни с кем не разговаривает? Пусть. Мне спокойнее, когда они не знают.

У бывших коллег я, наверное, давно скатилась. Или не скатилась. Им, в общем-то, всё равно. Они заняты своими таблицами, своими дедлайнами, своими перекурами на лестнице. Я для них — эпизод. Пройденный этап. Ну и ладно.

У музыкантов я — умерший проект. Человек, который когда-то писал песни, а потом исчез. Они не знают, что я не

исчезла. Что я нашла особняк. Что в нём есть камин, которому шестьсот лет. Что он требует ответственные руки. И эти руки — мои.

Они не знают. Пусть. Я не обязана отчитываться. Моя жизнь — не для них. Она — для меня, и для тех, кто в Доме. А остальные - пусть фантазируют. Мне не жалко.

Я занята. У меня ретро-камин.

Часть 8.

Домой.

А дома меня впервые ждёт не отсутствующий свободный человек. Не тот, кто прячет чипсы, деньги и вторую семью. Не тот, кто ставит выбор: сын или мотоцикл. Дома меня ждёт тот, с кем у нас свои тёплые традиции. Они — только для нас. Не для вас, читающих эту книгу. Прекрасно, правда?

Однажды я сказала знакомой: «Я так счастлива, что даже

не хочу рассказывать никому. Это счастье — оно только наше». И это тоже верность. Верность дому. Верность тишине, в которой живёт любовь.

Богато или не очень — мы живём в доме не потому, что здесь сухо и тепло. Мы живём здесь, потому что домой хочется вернуться. Сюда. Именно сюда. Где тебя не встречают левыми расходами на чужие семьи. Где нет подозрительных чеков. Где никто не запирает дверь перед твоим носом.

В нашем доме это невозможно. У нас другой уровень мышления.

Здесь не воруют. Не предают. Не прячут. Здесь просто живут. Вместе. С тёплыми традициями. С тихим счастьем, о котором не хочется рассказывать. Потому что настоящее — оно не для всех. Оно только для тех, кто внутри. Для тех, кто в Доме.

Часть 9.

Крепостное право.

Один раз вспомнилось мне время, когда я торчала на работе до одиннадцати вечера. Не потому что было много дел. Не потому что начальник требовал. А просто — не хотела возвращаться домой. Туда, где меня не ждали. Туда, где было холодно, даже когда работало отопление.

Не знаю, как я могла так предавать себя. Я просто и понятно обрисовала в своей голове: ну такая вот у меня работа. Такое вот руководство. Такая вот жизнь. Я приняла это как данность. Как будто иначе и быть не могло.

Крепостное право отменили в 1861 году. А мне - оно было выгодно. Моё личное, внутреннее, крепостное право. Оно спасало меня от реальности. Потому что реальность была невыносима. Мир, который смотрел, как я горю, и не помогал.

И моя наивность тоже была мне выгодна. Она была щитом. Если бы не наивность, если бы я смотрела на всё трезво, я бы просто не выжила в этом океане мерзкой лжи. Я бы захлебнулась в нём. А так — я верила. Что начальник оценит.

Что муж одумается, когда-нибудь скажет «я тебя люблю». Я верила — и это давало мне силы дышать.

Теперь я смотрю назад и не осуждаю ту женщину, которая сидела в офисе до одиннадцати. Она не предавала себя. Она выживала. Как умела. С тем, что было. И её наивность была не глупостью. Это была стратегия. Единственная, доступная. И она сработала. Я выжила. Я выросла. Я перестала бояться реальности.

Я сама стала реальностью.

Крепостное право отменили. И моё личное — тоже. Я свободна. И домой теперь хочется возвращаться.

Часть 10.

Не по уставу.

Пока одни ищут себе подружек до двадцати пяти, мой мужчина и смотреть бы не стал на ту, которой меньше трид-

цати пяти. «О чём с ними говорить?» — как-то спросил он. И я подумала: действительно. О чём? О сериалах? О трендах? О пластиковом мире, который я не понимаю и не принимаю?

А если не о чем говорить, то и спать вместе не о чем. Не правда ли?

У меня никогда не было периода развлечений. Я не гуляла, не пробовала, не экспериментировала. Я выживала. Горела. Хоронила. Строила. И вот в тридцать пять у меня появился человек, который разделяет мои исторические интересы. Впервые есть с кем обсудить реформы прошлых веков. Не погоду, не соседей, не сплетни — реформы. Прошлых веков. Вы понимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.